

Когда Мишке исполнилось семь лет, его дед Михаил Иванович подарил ему глобус, поздравил с «днём ангела» и сказал:

— Вот тебе, Мишутка, глобус — модель земного шара. Пойдёшь учиться в школу — пригодится. Когда вырастешь, ты сможешь объездить всю землю, побывать в разных странах. А я вот, пока жив, хотел бы показать тебе мои родные края, деревню, где я родился. Кстати, в этом году моему папане исполнилось бы сто лет.

Тут вмешался Мишкин папа:

— Отец, тут нет ничего сложного. Мы этим летом никуда далеко и надолго не поедем — Мишу надо к школе готовить. Выкроим дня три-четыре и съездим в твою деревню.

За свою, в общем-то, короткую жизнь Мишка уже успел попутешествовать: он с родителями отдыхал на озёрах Хакасии, ездил поездом в Сочи к Чёрному морю, летал самолётом в Москву. А вот в далёкой подтаёжной деревне, где родился дедушка, мальчику ещё не доводилось бывать.

Как папа сказал — так и получилось. Прошла весна. Мишка расстался с детским садом. На выпускном утреннике ему дали картонную медаль на ленточке, цветастую грамоту и большую красно-жёлтую машину. А дедушка сказал:

— Вот на такой машине и поехать бы в деревню! Она бы много грузов перевезла!

Это дедушка, конечно, пошутил. В деревню они всё-таки поехали на папиных «Жигулях». Однако и новую машинку с собой взяли.

Ехать в тесной и гудящей машине Мишке было интересно только первый час. Пока проехали город с его большими домами, яркой рекламой, обилием машин и пешеходов; деревянные домики окраины, зоопарк. Машина покрутилась на поворотах горной дороги, промелькнул Дивногорск. С моста через Енисей увидели грандиозную плотину ГЭС. А потом смотреть в окно стало неинтересно: бесконечная серая полоса шоссе, лес со всех сторон, голубое небо с белыми облачками. Чтобы сын совсем уж не заскучал и не заснул дорогой, папа поставил кассету с песнями из «Радионяни». Мишка с дедушкой на заднем сиденье подпевали хором: «Мы рады вас приветствовать, товарищи ребята...» — а мама впереди дирижировала руками и улыбалась.

С хорошей песней в пути и дорога короче. Так они быстро доехали до большого села Новосёлово. Папа сказал, что дальше поплывут через водохранилище на пароме. Мишка, хотя и доверял папе, немного удивился: они поплывут, а как же их машина? Её что — здесь оставят? Но дедушка объяснил, что паром — это такой корабль, который возит и людей, и машины. И точно, вскоре Мишка и сам увидел, как на паром заезжали легковые и грузовые машины, поместился даже один автобус со всеми пассажирами. Нашлось место и их «жигулёнку».

Водоохранилище было большое, но всё же гораздо меньше моря, и вода была очень спокойная. Мишкины родители и дедушка стояли у перил парома под лёгким ветерком и жарким летним солнцем и беседовали. Мальчик обошёл весь паром и встал рядом, держась за руку деда. Он смотрел на приближающийся берег с крутыми склонами холмов и думал: «Как же папина машина заедет на такую крутизну?» Но оказалось, что паром причалил к пологому берегу залива, и там была хорошая дорога. Папа быстро съехал по автомобильному трапу, и они снова помчались по шоссе. Однако асфальт скоро кончился. Потянулась пустынная и пыльная гравийная дорога. Хотя мама взяла с собой достаточно еды и питья, Мишка совсем заскучал: даже любимая газировка выдохлась и затеплела. Он поминутно спрашивал у всех взрослых: когда же конец пути? когда остановимся купаться? когда же твоя деревня? Те ему терпеливо отвечали, что гравийка вот-вот кончится, и они поедут не сорок километров в час, а все девяносто. Что

купаться здесь негде: видишь, даже лужи пересохли. Что деревня будет, как всегда, на месте, никуда не денется. Но вот, наконец, гравийка кончилась. «Жигуль» помчался по ровному асфальту, а вскоре справа засинела водная гладь.

— Сыдинский залив, — пояснил дед. — Совсем скоро и наш Идринский район.

Мишка повеселел. Вот сейчас, сейчас он увидит те места, где родился дед, где жили дедовы папа и мама. Но ничего необычного не случилось: поля, холмы и перелески соседнего района плавно перешли в Идринский. И когда с очередного пригорка внизу показались большое село и серебристая лента реки, дед обычным голосом сказал:

— А вот и наша Идра!

Мишка был слегка разочарован: и это родная земля его деда? Здесь же нет ничего особенного! Поля как поля, и деревянные дома, и синее небо — ну всё же точно такое, как на всём их длинном пути!

Они проехали полсела, свернули на улицу Набережную к небольшому одноэтажному домику и остановились. Домик дугой огибал лобожак — довольно глубокий и широкий овраг с покатыми краями. На стук в ворота из калитки вышла пожилая полная женщина и обняла Мишкиного деда:

— Братка приехал!

Ворота открыл тоже пожилой коренастый мужик:

— Заезжайте, гости дорогие! Уже ждём вас!

Папка заехал во двор. Мама и Мишка вышли из машины. Мужик представился:

— Владимир Герасимович! — и пожал маме руку. Потом протянул огромную, с негнущимися пальцами, кисть Мишке: — Здорово, сибиряк! Я тоже твой дед, только двоюродный. Вот и познакомились!

Сестра деда, Галина Ивановна, тоже подошла поздороваться. Слегка потискала Мишку:

— Ох, какой ты щупленький! Наверно, в городе ешь мало? Пойдёмте в дом, я щи сварила наваристые, шанежки, да молоко своё, утрешнее. Пообедайте с дороги.

От такого угощения никто не смог отказаться. И Мишка, хотя не очень любил супы, съел целую тарелку вкуснейших щей, да потом ещё выпил большую кружку молока с

деревенской шаньгой и с мёдом и с раздувшимся животом еле вылез из-за стола.

После обеда и короткого отдыха дед сказал:

— Поехали, проведем папаню с маманей.

И они снова сели в машину, вместе с бабой Галей и дедом Володей, и поехали за село на высокий холм, где было сельское кладбище. На лугу у ворот кладбища паслись красивые кони. Мишка с мамой и папой полюбовались на них и на село, а потом прошли дальше, к покрашенным в синюю краску двум металлическим крестам с фотографиями, именами и датами.

— Вот, Мишутка, знай,— сказал дед,— здесь покоятся твои прадед и прабабка, твои предки.

Потом они вернулись в дом бабы Гали. Папа, мама и Мишка с ними захотели прогуляться до реки Сыда.

— Вон туда идите, по лобожаку,— Владимир Герасимович указал на овраг.— Весной здесь был целый ручей, а теперь вполне сухо. И Сыда уже мелкая.

— Да-а,— припомнил дед Михаил.— А ведь во времена моей молодости это была большая река, на ней водяные мельницы стояли, народ на лодках плавал. А в Идре паром был через реку. Мы из нашей деревни досюда за тридцать километров целый день ездили на лошадях, на быках. А сейчас Сыду любая корова вброд перейдёт.

Они пошли к реке. Вода в ней была быстрая и холодная. Но папа всё равно разделся и перешёл реку. Вода не достала ему и до живота. На галечниковом и травянистом берегу играли дети, бродили гуси и коровы. Погуляв немного вдоль реки, горожане вернулись в дом.

На подворье Миша познакомился с пёстрой коровой Машкой, без конца жующей свою жвачку, лобастым светлорыжим бычком Борькой, добродушной чёрной собачкой Жучкой, важным, полосатым, желтоглазым котом Матвеем, петухом Петькой и курами. Мальчик до вечера играл с ними во дворе. А вечером все пили душистый, с травами, чай с шаньгами, сметаной и мёдом. Беседовали и смотрели на ясное, постепенно темнеющее с востока небо и загорающиеся крупные звёзды.

На следующий день с утра они собрались ехать в дедову деревню, в тридцати километрах от Идры. Взяли с собой бабу Галю, а Мишкина мама осталась в Идре, чтобы отдохнуть и позагорать

на берегу Сыды. «Жигулёнок» опять проехал по главной улице села, потом по мосту через реку, потом опять между полей и лесов. Довольно скоро они приехали в другую деревню.

— Деда, это твоя деревня?

— Нет, внучок. Это село Никольское. Я сюда в школу бегал за шесть километров. Другие дети-то большеенькие были, а я самый младший, а отстать боюсь — раньше всё волками пугали. Дети идут, а я бегу за ними всю дорогу, как собачонок. Уставал страшно. Шесть дней учимся, а в воскресенье опять домой. С родителями повидаться, с сёстрами, взять хлеба и картошки на следующую неделю. Писали на газетах, на всяких клочках бумаги. Чернила были из желудей, мазали страшно. Чуть зазевался — и клякса на пол-листа. Вот так учились.

Километра через два дорога вошла в густой лес. Справа подступила крутая гора, слева под небольшим обрывом пенилась на валунах шумливая речка.

— А это — «тесное место», — пояснил дед. — В прежние времена здесь опасно было, говорят, и разбойники водились. А я вот сам помню: в тридцатые годы здесь колхозного активиста убили из нашей деревни... э, забыл фамилию. А сейчас асфальтированная дорога, красота. Эта речка, кстати, называется Хабук. Наша речка называется Туйлуг, впадает в Хабук, Хабук в Сыду, а уж Сыда — в Енисей. Раньше на Хабук наши мужики рыбалить ездили. Много рыбы водилось.

— А сейчас здесь бобровый заказник — бобров разводят, — добавила Галина Ивановна. — И даже удочками ловить не разрешают.

Вскоре дорога опять пошла по широким долинам и полям. И показалась ещё одна деревня, с редкими дымками из труб.

— Вот наша родная деревня! Прежде здесь двести человек жили, был колхоз, был клуб. Теперь жителей мало осталось: старики умирают, молодые разъехались по городам. Гибнет деревня.

Машина поехала по единственной улице и остановилась у последнего дома. Здесь жили двоюродный брат деда Иван Лаврентьевич и его жена Матрёна Николаевна.

— А у нас красный поросёнок! — первым делом после приветствий похвалился дед Иван и повёл гостей посмотреть на свою гордость.

Они посмотрели на крупного свина, густо поросшего ярко-рыжей щетиной, сосредоточенно рывшего землю у забора. Прошлись по двору. Потом старики зашли в дом поговорить о житье-бытье. А Мишка с отцом отправились смотреть местные достопримечательности.

Поглядели на колодец с длинной-предлинной жердью — журавлём. Постояли на пустыре, заросшем высоким репейником и крапивой, огороженном покосившимся и разломанным забором, — здесь был дом Мишкиного прадеда Ивана Степановича. Дома больше нет — сруб продали и увезли в другую деревню. Увидели небольшую тенистую речку Туйлуг и солнечный пригорок на другом берегу — Мельничную горку. Зашли в бывший колхозный сад — теперь старый, неплодный, заросший и запущенный. С окраины сада открылся хороший вид на всю окрестную землю: от близкого домика Ивана Лаврентьевича до тёмного массива горы Ишот на горизонте. Отец взял Мишку за руку и задумчиво сказал:

— Вот, Миша, здесь наша малая родина, в этой деревне наши корни. По этой дороге твой прадед Иван Степанович уходил на войну осенью тысяча девятьсот сорок первого года. По ней же вернулся в сорок четвёртом году с осколком немецкой мины возле сердца. Отсюда провожала прабабушка Анастасия Яковлевна в большой мир своих пятерых детей. Потом родился я — на Дальнем Востоке, потом ты — в большом сибирском городе. И вот сегодня мы втроём — ты, я и твой дед — вернулись в эту маленькую, затерянную в глуши деревеньку. Вернулись к своим истокам. Запомни этот день, сын!

И Мишка запомнил. И на всю жизнь проникся любовью к этому неброскому, суровому краю.

Скоро они уедут отсюда, уедут домой, в свой большой город. По дороге увидят ещё старые и всегда молодые города Минусинск и Абакан, бескрайние степи Хакасии, и тайгу, и Дивные горы. Но останется и всегда будет ждать своих детей маленький уголок сибирской земли. Ждать, что дети, или внуки, или правнуки ещё вернутся сюда и принесут с собой свой труд, своё счастье, свою любовь.